

В уездной гостинице парни проспали без задних ног почти сутки. Едва к ним вернулись силы, они, урча пустыми желудками, выбрались на улицу в поисках съестного — проснулись они вовсе не оттого, что выпались, а от дикого голода.

Плотно пообедав, ребята собрали гостинцы и отправились в гости к Лю Юаню: в этой поездке он им действительно здорово подсобил.

Тётушка Лю так и расплылась в улыбке, едва завидев их на пороге.

— Ох, и исхудали же вы, загорбунились, почернели совсем! — всплеснула она руками.

Видать, и до неё дошли слухи, что парни смотались на юг.

Сам Лю Юань тоже оказался дома. Отложив в сторону газету, он одобрительно кивнул:

— Ну, молодцы. Вид вполне бодрый.

— Да уж ладно вам, дядя Лю, не хвалите, — отозвался Гоудань. — Мы ещё вчера приехали, просто отсыпались до сегодняшнего дня. Правы люди: пока носа из дому не высунешь, и не узнаешь, какая она долгая — дорога, и какой он огромный — мир за околицей.

— Ну, значит, не зря съездили, — усмехнулся Лю Юань.

Тётушка Лю при виде принесённых свёртков принялась было отнекиваться — мол, к чему такие траты, зашли бы просто так, без подношений. Однако стоило Ван Сюаню развернуть перед ней отрезы привезённой ткани, как её глаза так и заблестели от восторга. Она долго гладила ладонью мягкое полотно, без конца повторяя, чтобы больше они так не тратились.

Пока старушка хлопотала на кухне, парни зашли с Лю Юанем в его кабинет, переговорили о делах, а вернувшись в гостиную, принялись наперебой рассказывать хозяевам о своих южных приключениях.

— Там такие силищи-дома выстроены — век бы не подумал! — с жаром рассказывал Гоудань. — Задерешь голову, чтобы крышу разглядеть, так затылком чуть в землю не упираешься. Небоскрёбы форменные!

— А окна огромные, во всю стену, стеклянные! — подхватил Ван Сюань. — Полы блестят, чистые, прямо как вымытые пиалы для риса. Кабы не стыд перед прохожими, ей-богу, лёг бы и покатался по ним.

Тётушка Лю и её сын так и покатались со смеху от этой детской непосредственности.

— А Сяо Сюань у нас на воде раскис, — безжалостно выдал друга Гоудань. — Лодчонка едва отчалила, а его уже наизнанку выворачивает, бледный как поганка стоял...

— Ты бы лучше про себя рассказал! — хмыкнул Ван Сюань. — Брат Гоудань умудрился пирожное прямо с бумажной оберткой слопать. Продащица уставилась на него, глаза как плошки, а этот решил, что у него кусок из рта вырвать хотят, и давай торопиться — в два глотка и бисквит, и картонку умял!

— Ну и море мы, конечно, впервые в жизни увидели, — мечтательно добавил Гоудань. — В учебниках-то пишут: синее оно, волны грозные... А на деле у берега серая жижа, муть сплошная, тихая-тихая. Чтобы синеву эту книжную разглядеть, надо далеко на катере отплывать, туда, где глубь настоящая начинается.

Разговор плавно перетек на людей, которых они встретили в пути. Оказалось, предприимчивого люда из внутренних провинций там пруд пруди.

— Смелого народа сейчас везде хватает, — делился наблюдениями Гоудань. — Мы в дороге познакомились с одним мужиком. Он, почитай, с самого открытия Особой зоны мотается между севером и югом. У них там целая артель собралась: закупают товар на юге, везут к нам, а отсюда — местное шмотье туда переправляют. Крутятся как белки в колесе, зато при деньгах.

За разговорами о диковинных вещах время летело незаметно. Из гостиной то и дело раздавался дружный хохот.

Прогостив у Лю Юаня добрую половину дня, ребята вежливо отказались от обеда. Записав под диктовку хозяина адреса тех уездных чиновников, что ехали с ними в одном вагоне и присматривали по дороге, они распрощались. Лю Юань помнил лишь примерные ориентиры — где чья ведомственная усадьба находится, так что на месте парням предстояло ещё поспрашивать соседей. Самому Лю Юаню очень понравилась их затея отблагодарить попутчиков: панибратства он не терпел, но вежливость ценил.

Когда за ребятами закрылась дверь, он обернулся к матери:

— Шустрые малые. Знают, как дела вести, шельмы.

— Так ведь сироты при живых родителях, заступиться некому, — со вздохом отозвалась старушка. — Жизнь заставила рано повзрослеть да своим умом жить. Главное, что добро помнят и платить за него стараются. Хорошие ребята вырастут, путные.

За долгие дни в поезде Гоудань и Ван Сюань времени зря не теряли — разузнали имена всех уездных заправил из делегации. Лю Юань, видя, что ребята действуют с умом, растолковал им, кто в каком ведомстве сидит и в каких кварталах обитает. Назвал ведомственные дома, а там уж — язык до Киева доведет, у любого прохожего спросишь, и укажут на нужную калитку.

В те годы все жили у всех на виду, соседи знали подноготную друг друга. Чтобы не перепутать адресатов из-за одинаковых фамилий, ребята предусмотрительно выписали и должности. Навязываться никому они не собирались и видов на высокое знакомство не имели — просто хотели по-человечески отблагодарить за дорожную опеку. Да и перед Лю Юанем долг платежом красен: раз уж он представил их своими племянниками, негоже было ударить в грязь лицом и прослыть неблагодарными деревенщинами.

Разумеется, главным благодетелем оставался сам Лю Юань. Но в этой жизни возможность оказаться кому-то должным — уже великая удача. Самое страшное — когда и задолжать-то некому, потому что все двери перед тобой закрыты. Парни это прекрасно понимали и безропотно принимали покровительство. Не помоги им Лю Юань с этой поездкой, они бы в Особой зоне и шагу ступить не смогли — метались бы как слепые котята.

Подарки они приготовили скромные, но диковинные для здешних мест: южные сладости, отрезки легкой ткани да сушеные морские деликатесы. Всё это красиво упаковали — получилось и уважительно, и без лишней помпезности. Развезя гостинцы по адресам, парни решили не спешить с возвращением в родную деревню.

Первым делом они прошлись по старым адресам подпольных рынков. Кое-где точки прикрылись, другие перебрались в глухие закоулки, подальше от посторонних глаз. Зато на официальных крестьянских базарах вовсю бурлила торговля — там у перекупщиков тоже имелись свои лавочки. Народу тьма, шум, гам, но, как ни странно, дельцам там было даже спокойнее прятаться среди толпы.

Гоудань быстро оценил обстановку и принялся приглядываться к спекулянтам — нужно было решить, кому выгоднее сдать южный товар оптом. В провинции гайки всё ещё закручивали крепко: это на юге разрешили вольную торговлю, а здесь к частникам относились с большим подозрением. На рожон лезть не хотелось.

Среди рыночной шпаны Гоудань неожиданно заприметил старого знакомого — того самого проныру Лю Шуньцзе, которого много лет назад гоняла милиция, а следом за ним — и сам малолетний Гоудань.

Тогда Гоуданю едва исполнилось десять: тощий, чернявый, вылитый макак. Нынешний же статный парень в чистой, выглаженной одежде ничем не напоминал того оборванца. Лю Шуньцзе, ясное дело, и бровью не повёл — откуда ему знать, что перед ним тот самый малец? Дети за пару лет меняются до неузнаваемости, а вот взрослые, если не прижмет нужда или болезнь, годами ходят с одними и теми же физиономиями.

Вот и Гоудань сразу выцепил взглядом в гудящей толпе пригородного базара этого мужика. Одет он был как все — затрапезный серый пиджак, кепка на лоб, — но цепкий взгляд и суетливые повадки выдавали его с головой.

«Куда ж ты пропадал на пару лет, дядя? — подумал Гоудань. — Опять, значит, за старое взялся?»

Чего Гоудань не ведал, так это причин исчезновения спекулянта. Тогда, лишившись половины навару из-за наглого мальчишки, Лю Шуньцзе долго рыскал по округе, пытаясь отыскать воришку, но тщетно. С досады он плюнул на всё и уехал в соседний уезд к двоюродному брату. Поначалу дела шли в гору, монета звенела, но потом кузен ввязался в опасную авантюру и схлопотал пулю. Шуньцзе перепугался насмерть, забрал остатки кассы и поспешил вернуться в родной уезд — от греха подальше, к привычной фарцовке.

Понаблюдав за ним пару дней, Гоудань решил, что дело иметь с ним можно. Сам Лю Шуньцзе при встрече даже не заподозрил, что этот вежливый молодой человек — тот самый чертенька, из-за которого он когда-то рвал на себе волосы от злости.

Гоудань перед сделкой слегка изменил внешность — нацепил глубокую кепку, приподнял воротник. Лю Шуньцзе, как тёртый калач, всё понял без слов: раз гость шифруется, значит, светить лицом не резон. В их ремесле лишних вопросов задавать не принято. Какая разница, кто перед тобой, если уговор простой: товар — деньги, и разошлись как в море корабли.

Гоудань не стал складывать все яйца в одну корзину и сбывал дефицит частями разным барыгам. Конечно, торгуй он в розницу сам, наварил бы куда больше, да только на это ушли бы недели. Да и светиться лишний раз парням из глухой деревни в уезде было ни к чему. Куда безопаснее уступить в цене и отдать всё оптом пронырливым перекупщикам, у которых каналы сбыта давно налажены.

Товара они привезли изрядно. И пускай оптовая скидка съела часть прибыли, южный дефицит в их краях ценился на вес золота — улетал в мгновение ока. Гоудань заламывать цену не стал, но и продешевить себе не позволил. В итоге выручка превзошла все ожидания — карманы приятно оттягивала увесистая пачка купюр.

В уезде они пробыли около недели, пока полностью не избавились от дорогого груза. Перед отъездом заглянули попрощаться к Лю Юаню. Тот догадывался, какими делами промышляют хлопцы, но помалкивал: главное — не попадаться властям. Решение сдать товар оптом он одобрил:

— Разумно, — кивнул он. — Своя шкура дороже лишнего юаня. В тишине и дела делать сподручнее.

Напоследок Ван Сюань заглянул в государственную лавку — набрал свежего мяса, растительного масла, соевого соуса, соли и уксуса. С этими припасами довольные ребята уселись в пригородный автобус до посёлка Сяньгоучжэнь. Бывшую Сяньгоускую коммуну как раз недавно преобразовали в посёлок.

Поговаривали, будто там собираются строить собственную среднюю школу. Впрочем, парням до этого дела не было — они-то семилетку уже окончили и в сентябре должны были пойти в старшие классы уездной школы. Дай бог, чтобы к их выпуску стройку закончили — тогда деревенской детворе из окрестных деревень не придется мотаться за тридевять земель ради учебы.

В дороге они провели без малого месяц — каникулы перевалили за экватор. Выпускные экзамены после средней школы они сдали досрочно, так что отдыхать начали раньше остальных, аж два месяца свободы получили. Но теперь, когда один месяц пролетел незаметно, свободных деньков оставалось всего ничего.

После кипящей жизни юга родная деревня Сиканьцунь показалась им сонной и призрачной, словно сошедшей с поблекшей картины.

Едва прослышав об их возвращении, во двор к Лао Сы сбежалась вся деревенская ватага. Небольшой дворик мгновенно наполнился гвалтом и смехом. Ребята, затаив дыхание, слушали рассказы о далеких краях, то и дело удивленно охая и ахая от каждого невероятного факта.

Ван Сюань без подарков друзей не оставил. Из дорожных запасов он вытащил несколько рубаш из дицюэляна — тонкого импортного дакрона. В Особой зоне они набрали фабричного брака за бесценок, и после распродажи в уезде как раз осталось несколько штук. Каждому приятелю досталось по щегольской рубашке, а в придачу Ван Сюань насыпал знатных южных конфет и печенья.

Ребята поначалу отнекивались, смущенно разглядывая гладкую ткань, — подарок-то царский по деревенским меркам! Но Гоудань замахал руками:

— Да берите, чего вы! Нам по знакомству уездные подсобили взять со склада за сущие копейки. Много вынести не разрешили, но на своих хватило.

Парни упрямо полезли в карманы за деньгами. Спорить было бесполезно, и Ван Сюань согласился взять с них чисто символическую плату — по себестоимости. Деревенские так и просияли: в уездном универмаге за такой отрез души вынут, да еще и талоны потребуют, которых в селе отродясь не видели. Да и брак-то был условный, по строгим экспортным меркам: где-то нитка чуть съехала, где-то шов на миллиметр неровный — глазом не зацепишься, если не приглядываться с лупой.

В уезде за эти рубашки оторвали бы с руками за приличные деньги. Подарить их друзьям детства парни решили от чистого сердца — ведь пока они колесили по стране, ребята частенько навевались к Лао Сы, помогали по хозяйству: то дрова наколоть, то воду натаскать. Раз уж те наотрез отказались от бесплатных гостинцев, пришлось взять мелочь ради их же спокойствия, зато сладостей насыпали от души, чтоб порадовали домашних.

Лао Сы, глядя на это расточительство, только кряхтел да за сердце хватался.

"Совсем у пацанов голова кругом пошла от этих югов, — сокрушался он про себя. — Раздают добро направо и налево, транжиры!"

Он ведь и ведать не ведал, какими суммами теперь ворочает его сын, и думал, что тот просто пускает на ветер последние сбережения. Впрочем, переспорить Гоуданя у отца всё равно бы не

вышло, так что старик лишь махнул рукой и ушёл в дом — с глаз долой, из сердца вон.

<http://bllate.org/book/19654/1996762>